

Андрей БАЛАБУХА

ПОБЕДИТЕЛЬ

Фантастический рассказ

Дубах вел энтокар в седьмом — скоростном горизонте, выжимая из машины все, что она могла дать. Не то чтобы он так уж торопился или был завзятым гонщиком. Пожалуй, нельзя было и сказать, что скорость доставляла ему особое удовольствие. Не было это и привычкой в обычном понимании слова; просто скорость казалась ему необходимой и естественной — как ровное дыхание, например. Как только комплекс Транспортного Совета оказался прямо под ним, Дубах улучил момент, когда над посадочной площадкой в потоке энтокаров, вертолетов и авиеток открылось «окно», и, не снижая скорости, бросил аппарат вниз, затормозив лишь перед самым соприкосновением с бетонным покрытием.

Едва он открыл дверцу, на него ударом обрушилась волна жаркого, влажного, не по-утреннему парного воздуха, от чего все тело сразу же покрылось липким потом: это февраль, самый тяжелый месяц в южных широтах Ксении. К нему трудно привыкнуть, даже прожив здесь больше сорока лет. Недаром на одном из древних языков Ксения значит «чужая»... Дубах провел по лицу тыльной стороной ладони и вышел из машины. Проходивший мимо Тероян из отдела индивидуального транспорта замедлил шаг.

— Доброе утро, Тудор! Мастерская, скажу я вам, была посадка. Virtuозная. В старину нечто подобное именовали «адмиральским подходом»...

— Спасибо, Весли, — Дубах улыбнулся. — А раз уж вы заговорили об этом, попробуйте прикинуть, как организовать систему «окон» над всеми посадочными площадками. Чтобы не приходилось выбирать момент, когда под тобой никого нет: утомительно это да и не слишком надежно, всегда кто-то может неожиданно выскочить прямо на тебя.

Весли вздохнул: вечно Дубах сразу же переводит разговор на деловые темы...

— Хорошо, — сказал он. — Прикинем.

— И завтра доложите мне результат.

Тероян только молча кивнул.

В холле было прохладно, терпковато пахло цветами вьющегося по стенам дикого винограда. Тероян свернул налево, к лифту, а Дубах подошел к нише продуктопровода, привычным движением набрал заказа, затем открыл дверцу и вынул высокий заиндевелый стакан. От первого же глотка заломило зубы. Тогда он повернулся и, продолжая понемножку отхлебывать грейпфрутовый сок, посмотрел на глобус.

Глобус был огромен, не меньше шести-семи метров в диаметре. Он свободно парил в воздухе посреди холла и медленно вращался, играя яркими красками. Последнее, впрочем, не совсем верно: сам глобус был блеклым, почти бесцветным, контурным. Слабой сепией были подняты на нем оба ксенийских материка, окруженные прозрачной голубизной океанов. А на этом бледном фоне чистыми, броскими красками проступали транспортные трассы. Морские — редкие индиговые дуги пассажирских лайнеров и жирные синие линии сухогрузов и танкеров. Ибо море все еще остается самым экономичным путем перевозки несрочных крупнотоннажных грузов. Сухопутные — тонкие красные нити автострад, двойные черные полосы трансконтинентальных экспрессов, пунктиры метрополитенов. В воздухе вокруг глобуса переплетались маршруты дирижаблей и самолетов. Крутые кривые суборбитальников и обрывающиеся в полутора метрах от поверхности гиперболы космических линий стягивались к двум космодромам планеты, напоминая какие-то фантастические кусты. В целом все это походило на муляж нервной или кровеносной системы некоего организма. Да оно и было, в сущности, организмом, сложным, порой непослушным, мозг которого размещался здесь, в комплексе Транспортного Совета.

Конечно, системе этой было далеко до глобальности: наземные трассы покрывали только Эрийский материк, оставляя Пасифиду нетронутой — за исключением узкой прибрежной полосы на востоке. Морские линии тоже соединяли лишь порты Эрии, выбросив в океан всего два уса — к Архипелагу и к Восточному берегу Пасифиды. Естественно: ведь Ксения лишь второй век обживается человечеством, и население ее едва достигает полумиллиарда...

Дубах допил сок, бросил стакан в мусоропровод и в последний раз взглянул на глобус. Пусть системе этой далеко до совершенства, но в ней — его жизнь, жизнь координатора Транспортного Совета Тудора Дубаха.

По дороге к себе он заглянул в диспетчерскую Звездного флота, где Гаральд Свердлуф, навалившись грудью на стол, отмечал положение кораблей большого каботажного.

— Доброе утро, Гаральд!

— Доброе утро, координатор, — откликнулся тот.

Дубах заглянул в карту. Хорошо: все корабли идут в графике. Впрочем, на каботажных маршрутах за последние десять лет сбой был лишь однажды.

— Что транссистемники, Гаральд?

Свердлуф поднял голову.

— Грузовозы с Риона-III сядут завтра к двадцати часам по среднегалактическому. «Бора» прибыл на Лиду сегодня в восемь семнадцать.

— А «Дайна»? — спросил Дубах.

Свердлуф отвел глаза. Когда корабли опаздывали, он всегда почему-то чувствовал себя виноватым.

— Все еще опаздывает... Маршевый реактор — это серьезно, Тудор.

— Знаю. И об этом я буду говорить с заводом. Но выход из графика — это тоже серьезно. Уже двое суток, Гаральд. Двое суток! А на «Дайне», сколько пассажиров на «Дайне»?

— Пятьсот.

— То-то и дело. Когда опаздывает грузовоз — это плохо. Но когда опаздывает лайнер... Аварийник вышел?

— Вчера.

— Почему?

— Болл хотел справиться сам.

— С реактором? — Дубах усмехнулся. — Однако... Когда встреча?

— Завтра, в семнадцать по среднегалактическому.

— Хорошо, Гаральд. Если что-нибудь изменится — немедленно сообщите мне. Даже если ночью. Спокойной вахты!

«Болл первоклассный пилот, — подумал Дубах, выйдя из диспетчерской, — но авантюрист слегка. Рассчитывать справиться с реактором своими силами?!»

Придя к себе, он прежде всего связался с отделом личного состава.

— Лурд? Доброе утро. Вот что, Лурд: свяжитесь с Пионерами и узнайте, есть ли у них вакантные места пилотов. Есть? Превосходно. Откомандируйте в их распоряжение первого пилота Болла с транссистемного лайнера «Дайна». На его место поставьте кого-нибудь с каботажа. Пионерам нужен прекрасный пилот, не так ли? Болл подойдет им. Нет, нет, иначе я не дам «добро» на выход «Дайны». Ну вот и договорились. Спасибо.

Жаль. Впрочем, у Пионеров Боллу будет только лучше. И Пионеры не связаны никакими графиками. И не перевозят людей. А на пассажирских маршрутах нужны пилоты, при любых обстоятельствах приходящие вовремя.

Насколько все-таки проще с наземными коммуникациями: все автоматизировано до предела, человек выполняет только контрольные функции. Да и на воздушных тоже. Хуже всего приходится отделам Звездного флота, морских перевозок и индивидуального транспорта — им пространство поддается труднее.

Пространство... Дубах не признавал его. Потому что пространство — лишь функция времени. Оно измеряется не километрами, не парсеками, а временем, потребным на его преодоление. И Дубах боролся с ним, стремясь сократить это время. Потому что время, затраченное на преодоление пространства, потерянное. И пусть жизнь человека за последние несколько веков удлинилась без малого вдвое, но увеличилась и расстойня...

Дубах взглянул на часы. Пора. Он включил селектор, вызвал Баррогский стройотряд.

— Панков? Доброе утро. Говорит координатор. Что там у вас стряслось, Виктор?

— Между отрогом Хао-Ян и водоразделом пошли породы повышенной тугоплавкости. Геологи подкачали.

— С них спрос особый.

— Плавление полотна замедлилось в полтора раза. Войдем в график за водоразделом.

— Прекрасно, — Дубах улыбнулся. — А пока люди должны добираться до Рудного воздухом? Авиетками? Вертолетами? Триста километров на авиетке — это верх комфорта, не правда ли?

— А где я возьму энергию? Скажите все это план-энергетику, — не выдержал Панков.

— Скажу. И энергия вам будет — спрашивайте! Спрашивайте все, что нужно. Но за это давайте мне время. Ваша автострада экономит каждому работающему в Рудном больше часа, Виктор. Больше часа!

— Мы не в солнечной системе, координатор. И энергобаланс у нас пока что другой.

— Да, не в солнечной. Там девять миллиардов людей, а у нас — пятьсот миллионов. Но разве поэтому одни должны пользоваться меньшим комфортом, чем другие? Что это за рассуждения?! Конкретно: что вам нужно, чтобы войти в график?! Энергии у нас хватит, и не надо беречь ее там, где речь идет о людях!

— Два «аргуса».

— Будут вам «аргусы», — пообещал Дубах.

«Аргусы» — атомные реакторы на гусеничном ходу — это дефицит. Их привозят с Марса, а на самой Ксении пока что не производят. Дубах еще не знал, где он их достанет. Но что достанет — не сомневался. Правда, ему предстоял пренеприятный разговор с план-энергетиком, но к этому оба они уже привыкли, и споры и препирательства их были скорей традицией, чем необходимостью. В том, что при всей своей прижимистости Захаров «аргусы» выделит, Дубах был уверен.

Он снова включил селектор.

— Весли, прошу вас, подготовьте мне быстренько цифры по пассажиропотоку к Рудному — для Захарова. Наши застряли с автострадой, и им нужна дополнительная энергия.

— Когда?

— Часа через два.

Слышно было, как Тероян выразительно вздохнул.

— Вот и прекрасно, — сказал Дубах. — Спасибо, Весли.

Заверещал сигнал видеовызова. Дубах включил экран. Это был Ходокайнен из морского отдела.

— Тудор, в Лабиринте сел на риф контейнер...

Этого Дубах всегда боялся — контейнеры с нефтью, буксируемые через Проливы... Когда же дотянут трубопровод, наконец?..

— Сколько?

— Десять тысяч.

Десять тысяч тонн нефти, тонкой мономолекулярной пленкой покрывающие акваторию Проливов...

— Совет Геогиены оповещен. Химэскадрилья поднята, — Ходокайнен взглянул на часы, — семь минут назад. Через шесть они будут над лабиринтом.

— Так, — сказал Дубах, чувствуя, что у него начинают болеть скулы. — По окончании операции капитана буксира — ко мне.

Ходокайнен кивнул. Ему жалко было капитана. Но Дубах, наверное, прав. Почему-то всегда получается, что Дубах прав...

О предстоящей поездке к Эзре Бихнеру он вспомнил только в половине четвертого. Слово сработало в нем какой-то механизм, выудивший из памяти нужную карточку.

Лаборатория Бихнера весь последний год терроризировала его. Они ежемесячно съедали годовой лимит, и Дубах сам не до конца понимал, каким образом ему удавалось вышибить из Захарова энергию для их ненасытной аппаратуры. Но похоже, они добились чего-то стоящего — судя по тону Эзры и его привычному лаконизму.

Дубах в последний раз включил селектор.

— Я буду в Исследовательском, у Бихнера. Если поступят информации о «Дайне» и Проливах, передайте мне немедленно. Спасибо.

Исследовательский центр находился на равнине, километрах в пятидесяти от Совета, и Дубах решил добираться энтокармом. Это минут пятнадцать. Впрочем, через несколько месяцев здесь пройдет ветка автострады, и тогда время сократится до десяти минут.

Каждая минута, отвоеванная у пространства, была для Дубаха личной победой, потому что борьбе этой он отдал всего себя. В среднем согласно статистике каждый житель Ксении ежедневно тратит на транспорт около полутора часов. А это значит, что на полтора часа человек выбывает из активной жизни. Конечно, в дороге можно думать, можно читать, разговаривать по связи. Но все это — пиллиативные решения. Компромисс. Уступка вынужденности. Дубах всегда ненавидел компромиссы, хотя ему и случалось — достаточно часто случалось — идти на них.

Бихнер поднялся ему навстречу.

— По вашему появлению можно проверять часы, Тудор! Признайтесь по секрету — я никому не скажу! — с вами не работали вивисекторы Оффенгартена?

Дубах рассмеялся: Оффенгартен занимался проблемой биологических часов.

— Нет, — сказал он. — Я по характеру не гожусь в подопытные. Ну так какими чудесами вы хотите меня поразить?

— Как вам сказать, Тудор? Имейте терпение, сами увидите.

И Дубах увидел.

Внешне все выглядело весьма буднично. Стол — большой лабораторный стол с матовым покрытием из дендропласта. На каждом конце стола стояло по маленькой клетке, в одной

из которых спокойно охорашивался белый мышонок. От обеих клеток вертикально вверх уходили пучки проводов.

— Начнем? — спросил Бихнер.

— Я весь внимание, — сказал Дубах, и это было правдой.

Исследовательский центр был его детищем в полном смысле слова. Если транспорт на Ксении существовал задолго до появления Дубаха и он лишь способствовал росту, расширению, совершенствованию коммуникаций, то Центр создавал он — от начала и до конца. Он сумел подключить к работе самых талантливых ученых — не только Ксении, но и других планет. Бихнера, например, он сманил из Института Физики Пространства. Центр доставил Дубаху хлопот не меньше, чем все транспортные сети вместе взятые. Он поглощал энергию в невероятных, фантастических количествах. Он требовал самую уникальную аппаратуру: стоило просочиться сообщению, что где-нибудь разработана новая конструкция аналогового анализатора, например, как неизбежно оказывалось, что Центру он нужен прямо-таки позарез... Но зато Центр работал. Как это бывает всегда, девяносто девять из ста их идей оказывались просто бредом, но они наталкивали на ту сотую... Кто знает, может быть, сейчас ему покажут результат именно сотой идеи?

— Смотрите, — сказал Бихнер. — Смотрите внимательно. Вано, пуск!

Сперва Дубах вообще ничего не заметил. И лишь через несколько секунд осознал, что мышонок продолжает умываться уже в другой клетке.

— Что это? — спросил он у Бихнера.

— Не кажется ли вам, координатор, что вы хотите от меня слишком многого? Я вам показал — этого мало?

— Мало, — сказал Дубах каким-то петушиным голосом.

— Условно мы назвали это «телепортом». Весьма условно. Суть — мгновенное перемещение объекта в пространстве.

— Мгновенное, — повторил Дубах тихо. — Мгновенное. Очень интересно... Но — как?

— Мы сами еще до конца не понимаем. Очень грубо, я бы даже сказал — примитивно грубо, это можно уподобить тому, как электрон не существует в момент перехода с орбиты на орбиту, исчезая с одной и одновременно появляясь на другой. Но это не аналогия. Это скорее метафора.

— Дистанция?

— Пока мы дошли до пяти метров. Причем переброска одного этого мышонка через стол по энергетическим затратам обошлась по крайней мере в полет грузовоза. Да и проживет этот мышонок не больше суток: происходят какие-то изменения на субатомном уровне, а какие именно — мы еще не установили. Обещали помочь ребята из Биоцентра, но боюсь, им этот орешек не по зубам. Вот если бы привлечь группу Арендса и Ривейры — они занимают сходной проблемой... — Бихнер метнул на Дубаха косою взгляд; тот кивнул — что ж, ничего невозможного. — Потому-то мы пока пригласили только вас, Тудор. Строить, как это называлось?.. Триумфальную арку, вот, строить ее еще рано. До практического применения — годы, а то и десятилетия. Эффект получен экспериментально: его нужно обосновать, изучить, изменить. Многое, очень многое,

да что я вам объясняю, Тудор! Дальние же перспективы вы видите лучше меня.

Дубах видел.

Это была победа. Победа окончательная. Уверенность в этом придавала будничность, заурядность обстановки. Победа! Ибо время перемещения в пространстве сведено к нулю. К нулю! Это последнее поражение пространства, которое до сих пор лишь отступало, медленно, с трудом, огрызаясь, требуя жертв. Но от этого удара пространству уже не оправиться. Никогда. Во веки веков.

— Эзра, — сказал Дубах. — Вы знаете, что это такое? Это не жалкие клочки, не увеличение скорости карвейра. Это победа!

Бихнер счастливо улыбнулся:

— До победы еще очень далеко, Тудор. Оч-чень. Но я рад, что вы понимаете это именно так, что вы первый, кто поймет это. Спасибо!

Дубах с места рванул энтокар вверх, прямо в седьмой — скоростной — горизонт. До дому отсюда около часу лета. Он перевел управление на автоматику, повернул к себе проектор и вставил в него ребристую кассетку книгофильма.

«Пройдет десять, пусть даже двадцать лет, и не нужно будет ни энтокаров, ни вертолетов», — подумалось ему. Это всегда казалось мечтой, недостижимой, как горизонт. Целью, к которой можно лишь приближаться, — как к скорости света в трехмерном пространстве. И вот мечта стала реальностью, хотя и отдаленной, но уже вполне достижимой и ощутимой. «Доживу ли я до этого, — подумал он. — Очень хочется дожить...»

И вдруг ему стало грустно. Он понял не только разумом, но всем существом ощутил, что жизнь его уже сделана.

«Нет, — сказал он себе. — Нет, так нельзя. Думай о том, что это будет победа».

«Я и думаю, — ответил он себе, — и я сделаю все, чтобы победа пришла скорее. Как делал до сих пор. Как не умею делать иначе. Но это будет еще нескоро — «телепорт», как говорит Эзра. И может быть, я просто не доживу. Я знаю, как жить для победы. Точнее — как жить для борьбы за победу. Но что делать, когда победа отменяет тебя?..»

На мгновение его охватило острое чувство к пространству — пространству, с которым он боролся всю жизнь. Ведь, уничтожив пространство, «телепорт» отменит и Дубаха, координатора Транспортного Совета Ксении.

В это время раздался сигнал вызова.

— Слушаю, — сказал Дубах.

— Говорит Свездлупф. Болл сообщил, что авария ликвидирована и «Дайна» идет своим ходом. Я возвращаю аварийник, координатор, — последнее было сказано тоном полувопросительным-полуутвердительным.

— Да, — сказал Дубах, чувствуя, как отходит куда-то его ненужная тоска. — Правильно, Гаральд. Спасибо.

Все-таки молодец, этот Болл! С таким пилотом расставаться жаль. Но у Пионеров ему будет только лучше. А на пассажирских трассах нужны пилоты, не выходящие из графика ни при каких обстоятельствах. Потому что... «Зачем я объясняю все

это себе, — подумал Дубах. — Оправдываюсь? В чем? Разве что-нибудь неясно? Разве я сомневаюсь? Нет. Все идет так, как должно идти».

Внизу под энтокаром стремительно скользила назад травянистая равнина с одинокими купами деревьев. Пространство ее казалось безгранично — от горизонта до горизонта. И столь же безграничное воздушное пространство охватывало машину со всех сторон. Но теперь Дубах явно ощущал всю эфемерность, обреченность пространства. Ибо каким бы ни казалось оно могучим, уже существовал маленький белый мышонок, спокойно охорашивающийся в своей клетке. И сейчас Дубах думал об этом с отстраненным спокойствием триумфатора, потерпевшего сокрушительную победу.
